

© — ОЛЯ — 1991

Ю. В. МАНН

АВТОР И ПОВЕСТВОВАНИЕ

I

Образ автора и структура повествования являются сегодня едва ли не центральными проблемами литературоведения, но при этом, как ни странно, их изучение ограничивается творчеством одного, реже — двух писателей. Еще во весь рост стоит задача, выдвинутая 20 лет тому назад В. В. Виноградовым, — проследить изменение образа автора «в разных литературных течениях» [1, с. 107]. Предлагаемая статья и посвящена этой теме — в ней рассматриваются подобные изменения, происходившие в русской литературе прошлого века (порою с необходимыми экскурсами в литературу западноевропейскую). Но начать мы должны несколько издалека.

В средневековой литературе, как известно, индивидуализация авторского образа была весьма низкой, преобладали некие широкие жанровые амплуа. «В проповеди — это проповедник, в житии святого — это агиограф, в летописи — летописец и т. д.» Существовали «жанровые образы авторов», скрадывавшие все многообразие личных черт — сословных, психологических, возрастных и прочих. Дальнейшее развитие состояло в высвобождении и интенсификации этих черт, в возрастании «индивидуального авторского начала» [2, с. 145].

Было бы неверным, однако, полагать, что жанровая окраска образа автора затем окончательно исчезла — в известной мере ее можно наблюдать и в литературе наших дней. Что же касается рубежа XVIII—XIX вв., стилистических потоков сентиментализма, преромантизма и романтизма, то роль жанровых амплуа в них была еще весьма высокой. Автор сатирической оды — не то же самое, что автор элегии, автор элегии отличался от автора дружеского послания и т. д. Каждый автор выступал в лучах своего жанра, или — что то же самое — для каждого автора существовал более или менее устойчивый набор жанровых признаков. Индивидуализация на первых порах протекала в пределах общих клише, затем неизбежно размывала их, в одних случаях — меньше, в других — больше. Меньше, скажем, в элегии, больше — в дружеском послании благодаря способности этого жанра насыщаться бытовыми и литературными реалиями, домашней семантикой. В пространство центрального персонажа, т. е. в данном случае автора, втягиваются подробности приватной жизни, ежедневного времяпрепровождения, общения с друзьями и соседями, реальными и вымышленными, и т. д. Автор перестает быть анонимным и становится, если использовать выражение Ю. Тынянова о послании Пушкина к Юрьеву, «поэтом с адресом» и, добавим, с *образом жизни*.

Однако решающий шаг в этом направлении связан не с дружеским посланием, а с другим жанром, с большой эпической формой — с пушкинской поэмой «Руслан и Людмила» (1820). Выказывалось даже мнение, что рассказчик поэмы — «первый опыт современного характера», каким хотел его видеть Пушкин в «Кавказском пленнике», молодого человека, достигшего преждевременной старостью души [3, с. 358]. Скорее всего